

А. Ю. Шачина, С. В. Шачин

Мурманский Арктический государственный университет, г. Мурманск

Эстетический характер нации: сохранение национальной культуры на Севере и универсальный смысл этой деятельности

Статья посвящена проблеме педагогического смысла сохранения национальной культуры на Севере в эпоху глобализации. За основу определения этого смысла берутся идеи И. Канта о том, что воспитание возможно только в сообществе людей, обладающих высоким художественным вкусом, Ф. Шиллера — именно через игру воображения в процессе развития художественного вкуса человек приобщается к нравственной культуре и И. Гердера — истина рассеяна по планете, и каждая культура позволяет найти свой способ выражения всеобщей идеи человечества. Эти идеи дополняются опытом катарсиса, восходящим к Аристотелю, и экзистенциалистской категорией решимости в смысле способности человека увидеть красоту Севера и внутренне преобразиться. В результате показывается, что национальная культура северных народов способна открыть человечеству новые источники креативности, что позволит найти пути выхода из всемирного кризиса.

Ключевые слова: эстетическое воспитание, моральное воспитание, катарсис, решимость, Арктическая идентичность.

A. Yu. Shachina, S. V. Shachin

Murmansk Arctic State University, Murmansk

Esthetic nature of the Nation: Preserving National Culture in the North and Universal Sense of this Activity

The article is devoted to a pedagogical problem of preserving national culture in the North in the age of globalization. The following ideas are taken as a basis of determination of this sense: I. Kant's idea that education is possible only in a community of people possessing artistic taste; F. Schiller's idea that it is through flight of imagination in developing artistic taste that people become acquainted with moral culture; I. Herder's idea that the truth is disseminated all over the planet, and that each culture allows to find the way of expressing the general idea of mankind. These ideas are complemented with a catharsis experience going back to Aristotle and existentialist category of determination in the sense of a person's ability to see

the beauty of the North and to change oneself internally. As a result, it is shown that the national culture of the northern people is capable of demonstrating new sources of creativity to the mankind that will allow to find means of egress from the global crisis.

Keywords: *esthetic education, moral education, catharsis, determination, Arctic identity.*

1. Введение: к вопросу об универсальности в условиях глобализации

Глобализация стала атрибутом современной эпохи, это обогатило нашу жизнь настолько, что мы постоянно имеем дело с различными представлениями о хорошей жизни. Это таит в себе опасность утраты отдельными, особенно малыми, народами, своей идентичности, забвения того, что истина не единична, но «рассеяна по планете» [1, S. 197]. И. Г. Гердер, наряду с Кантом и Гегелем не потерявший актуальность как учитель подлинной свободы, в произведении «Идеи к философии истории человечества» писал, что было бы кошунством искоренение единичного (пусть даже малого) в богатстве разнообразия «в бескрайней гармонии единого мира Божия» [2, с. 15], и было бы варварством такое воспитание, которое не внушало бы с ранних лет «глубокого впечатления красоты, единства и многообразия, царящих на нашей Земле» [2, с. 21]. «Вращается шар, вращаются на нём и умы, и климаты, нравы и религии, сердца и платья. Несказанная мудрость — не в том, что всё так многообразно, но что на Земле, на этом шаре, всё создано столь единообразно и настроено в унисон. Яблоко красоты и заключено в законе: многого достигать одним, величайшее многообразие вести из непринуждённого единства» [2, с. 22]. И совершенно гуманно понимать, что каждый человек как образ и подобие Бога имеет, следовательно, своей задачей обогащение этого единства многообразия в его гармоничном развитии и должен «упражнять свои силы, чтобы обрести более прекрасную и свободную жизнь» [2, с. 429].

В настоящей статье будет рассмотрен смысл деятельности по сохранению и развитию северной художественной культуры с позиции глобализации, понимаемой как процесс становления духовной общности человечества, предполагающей синтез нравственности и красоты (что позволит найти новые смыслы и для экономической деятельности, вошедшей в последние годы в кризисное состояние). Северная художественная культура при этом сумеет развить свой гуманистический и универсальный потенциал и перестанет быть подчинённой плоским смыслам массовой культуры.

2. К вопросу об универсальном смысле эстетической деятельности: идеи Ф. Шиллера и И. Канта

Со времён Фридриха Шиллера мы знаем, что «...только через красоту ведёт путь к свободе» (Письмо 2) [3, с. 291]. Это положение великий классик философии и литературы обосновал в «Письмах об эстетическом воспитании человечества», целью которых было создание государства прекрасной видимости не как какого-либо политического учреждения, а как основанного на непрерывном эстетическом опыте жизненного мира его граждан (Письмо 27). У нас также есть все основания полагать, что, словами Шиллера, «... только общение в прекрасном соединяет людей, так как оно относится к тому, что всем общее» (Письмо 27) [3, с. 385]. От прекрасного самого по себе нельзя ждать какого-нибудь конкретного результата: оно не может просвещать, не способствует формированию характера, не занимается поисками правды и не требует исполнения долга. И всё же только благодаря общению с прекрасным человек может сделать из себя то, каким он хочет себя видеть, так как прекрасное вводит его в состояние свободы между чувственностью и разумом [4, с. 85–86].

Ф. Шиллер развил и обосновал основное положение: «...человек играет только тогда, когда он в полном значении слова человек, и он бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет» (Письмо 15) [3, с. 335], благодаря чему он занял прочное место в истории теории образования на рубеже XVIII–XIX веков. «Игра» подразумевается здесь как встреча с прекрасным и искусством. Его основное правило: «Нет иного пути сделать чувственного человека разумным, как только сделав его сначала эстетическим» (Письмо 23) [3, с. 359]. Он исходит из того, что следует развивать эстетический характер, «который делал бы возможным переход от господства голых сил к господству законов и, не препятствуя развитию морального характера, служил бы чувственным залогом незримой нравственности» (Письмо 3) [3, с. 294]. Шиллер требует воспитания целостной личности: «Человек же двояким образом может быть противопоставлен себе: или как дикарь, — когда его чувства господствуют над его правилами, — или как варвар, когда его правила разрушают его чувства. <...> Образованный человек создаёт себе из природы друга и уважает её свободу, обуздывая её произвол» (Письмо 4) [3, с. 297]. Шиллер требует привести к гармонии разум и чувственность. В человеке два побуждения: побуждение к форме (это побуждение разума и его нравственного закона, категорического императива (Кант)) и чувственные побуждения (склонности, потребности). Между ними лежит пропасть и происходит борьба. Шиллер вводит новое понятие — побуждение к игре, оно не заполняет пропасть,

но, будучи посредником между ними, так уравнивает разум и склонности, что они больше не тяготят друг друга, а пребывают в гармонии (Письмо 20).

Представляется необходимым подчеркнуть, что под влиянием «Критики способности суждения» И. Канта Ф. Шиллер отрицает дидактическую функцию искусства и выступает против его инструментализации: понятие эстетического в философии Канта и Шиллера исключает любую возможность поставить искусство на службу чему-либо.

Эстетическое воспитание Шиллера основывается на толковании красоты в «Критике способности суждения» Канта. Суждение вкуса «это красиво» не передаёт, согласно Канту, объективное свойство предмета, наоборот, выражает субъективное отношение наблюдателя, что ему предмет нравится. Это отношение происходит из гармонии двойственной чувственно-интеллектуальной природы человека. Как «красивое» обозначают нечто, что не интересует ни чувственность, ни интеллект, но «нравится незаинтересованно», без всякого интереса. Такое состояние вызывает «свободную игру» между чувственной силой воображения и интеллектуально-осознающей способностью познания. Эта «свободная игра» обосновывает у Канта автономию вкуса по отношению к чувственному влечению с одной стороны и по отношению к познанию — с другой.

Ф. Шиллер основывает свои рассуждения на этой автономии прекрасного, чтобы сделать его средством морального и политического воспитания. Он хочет доказать, что политическая свобода достижима не на политической арене, а косвенно — посредством эстетического воспитания. По его убеждению, только восприятие прекрасного способно сделать человека совершеннолетним для осуществления его свободы. Кантовская эстетика видится здесь как воплощающая принципиальную взаимосвязь между прекрасным и свободой, так как она обосновывает опыт прекрасного через «свободную игру» чувственности и понятийного логического мышления. Суждение вкуса возникает из непринужденной взаимосвязи (*Übereinkunft*) свободы и закона: «Свобода силы воображения (следовательно, чувственная сторона нашей способности суждения) в суждении прекрасного представляется созвучной с закономерностью рассудка» (Кант). Здесь Шиллер объявляет описанный Кантом опыт эстетической свободы как подготовительную ступень для политического и морального поведения. Свободная игра противоположностей и непринужденное сочетание свободы и закона — те структурные формулы, при помощи которых Шиллер выводит из эстетики политическую этику. Но таким образом он порывает с кантовской философией. Конечно, Кант также усматривает формальное сходство между эстетикой и этикой («в моральном суждении

свобода воли мыслится как согласованность последней с самой собой согласно всеобщим законам разума»), но Кант отсюда приходит к противоположному выводу, нежели чем Шиллер. По Канту, «развитие нравственных идей и культуры морального чувства — настоящая пропедевтика к образованию вкуса» — иначе говоря, только нравственно хороший человек обнаруживает вкус к прекрасному. Шиллер поворачивает это отношение на 180 градусов: только тот, кто обнаруживает в себе вкус к прекрасному, может стать хорошим и совершеннолетним в отношении политической свободы человеком [Данный абзац был написан на основе работы: 5, S. 134–135].

При этом надо заметить, что сам Иммануил Кант (без которого педагогическое мышление сегодня можно представить только как карикатуру [цит. по: 6, S. 126]) очень ценил общество высокого вкуса и утверждал, что общение в таком обществе — лучшее воспитательное средство [7, S. 578, 896].

Все мыслители высоко ценили собственную активность человека в процессе формирования и преобразования окружающей действительности: так, Шиллер в произведении «О возвышенном» подчёркивает, что мы не должны стремиться непременно окружать себя красивыми вещами, но должны делать вещи, которые нас окружают, красивыми: «Чтобы имеющееся было красивым и хорошим, мы можем требовать, а вот чтобы красивое и хорошее имелось в нашем распоряжении — только желать» [8, S. 86]. Это понятно, когда он проповедует такую свободу, при которой мы, люди, не должны быть связаны ни в одном пункте, даже в старении и в смерти. Для этого мы должны постоянно укреплять силы нашего духа, чтобы суметь снять природную необходимость через осознанное и добровольное ей подчинение (потом эта глубокая мысль Шиллера нашла своё выражение в знаменитом высказывании «Свобода есть осознанная необходимость»¹). Это также относится к его требованию «прекрасной души», которая ни в коем случае не позво-

¹ Вот как комментирует эту мысль, восходящую к Б. Спинозе, но разделяемую в каких-то смыслах и Ф. Шиллером, Д. Косой: «Волшебство заключается в осознанности. Именно она обращает необходимость в свободу. Необходимость становится свободой в момент её постижения. Постигание переживается как огромное облегчение, подъём, освобождение. Ведь постижение необходимости есть не что иное, как раскрытие истины. Раскрытие истины есть неизбежно и принятие её. Постигающий принимает необходимость (истину) в себя. Он как бы сам становится этой необходимостью, начинает ощущать её как свою собственную природу, как своё я. В этот момент необходимость перестает быть внешней принуждающей, ограничивающей силой. Она обращается в свободу, т. е. в собственную волю постигающего. Осознанная необходимость становится природой и соответственно свободой того, кто её постиг. Это так просто». См.: [9]

ляет себе малодушие или уныние. Практическое применение этому можно найти в обосновании необходимости умения изготовления одежды из имеющихся в наличии средств, умения находить такие материалы (вместо требования роскоши, которая вела бы к пассивности и угасанию фантазии).

3. К проблеме эстетического воспитания в контексте нравственного образования человека

Надо заметить, что русские мыслители, как, например, основоположник российской педагогики К. Д. Ушинский, делали большой акцент на различении понятий полезного (что относится к ремеслу) и прекрасного (что относится к искусству), оставляя последнему место в музее и на художественных выставках (следуя мысли того же Канта, что прекрасное должно нравиться незаинтересованно). Полезность произведений искусства усматривается при этом исключительно в их красоте: К. Ушинский отмечает, что «цена вещей – в нас самих, а не вне нас» [10, с. 333]. Но «художественное чувство человека ловит черты красоты везде, где их видит» [10, с. 336], поэтому естественно и придание красоты полезному и практичному: сюда с древних времён относится украшение посуды, одежды, жилищ и оружия, что когда-то стало первым шагом к развитию человеческой культуры, когда интерес человека перестал получать удовлетворение только лишь от овладения средствами самосохранения и выживания [11, с. 28].

Чему мы можем научиться на основании данных основоположений? Несмотря на то что развитие чувства прекрасного, наряду с чувством возвышенного, и есть важная задача воспитания, мы должны понимать, что желание лично обладать прекрасным имеет следствием страсть корыстолюбия, что недопустимо для человека хорошего вкуса. Поэтому дорогим прекрасным произведениям искусства лучше оставить место в музее, чтобы сделать их доступными для восприятия другими людьми (это относится и к дорогому по стоимости национальному костюму как произведению искусства). Но человек, обладающий высоким вкусом, свободен только тогда, когда он творит в общении с прекрасным, то есть стремится украсить полезное и практичное. При этом, украшая полезное, человек должен иметь возможность выразить свою идентичность, то особенное, благодаря которому он занимает свою нишу в гармонии целого и тем самым обогащает человечество. Такой человек будет стремиться показать то, что он любит (т. е. вещь, произведение искусства, красивый природный вид, свой образ жизни и пр.) не потому, что оно, с его точки зрения, есть самое лучшее (или лучше, чем у других), а потому, что это — его творение и тем самым оно лучшее

среди лучших (то есть этот человек вложил в его создание душу) и особенное (то есть он постарался сделать эту вещь по высшему качеству, на которое он был в данном случае способен). Пошив красивой национальной одежды и оформление быта как нельзя лучше способствует данной цели — воспитанию общечеловеческого и национального эстетического характера свободного гражданина в «государстве прекрасной видимости».

4. К вопросу о возможности формирования на Севере сообщества эстетически образованных личностей

Что касается применения данных методологических идей великих немецких и российских философов и педагогов к Арктике, то сразу же напрашивается целая сокровищница смыслов. Исходным пунктом будет идея, которая давно известна мировой философии начиная с Платона: истину может постигнуть тот, кто уже находится в истине, кого она коснулась каким-то образом, хотя бы интуитивно (поэтому познание есть на самом деле припоминание глубинного знания). Если мы перенесём эту идею в нашу тематическую область, то мы поймём, что Арктику может осознать только тот, у кого есть исходное позитивное отношение к Северу, и эстетически-разумное переживание творческой деятельности может получить только тот, кто уже является человеком творческим по своей глубинной настроенности духа. Поэтому первый уровень проекта по созданию особого художественного мира на Севере заключается в том, чтобы сделать этот мир полюсом притяжения творческих личностей отовсюду, как с других концов огромной арктической «циркумполярной цивилизации» (У. Винокурова и В. Яковец), так и из других районов Земли, не обязательно арктических. Надо, чтобы на Севере было сгенерировано особое поле повышенной пассионарности, то есть человеческой активности, превышающей узко-материальные задачи, активности, нацеленной на улучшение мира, и тогда это поле будет притягивать лучших людей со всей Земли; а дальше может исполниться тот смысл, что заложен в русской поговорке: «Свояк свояка увидит издалека», то есть творческие, художественно одарённые люди найдут общий язык друг с другом.

Интересно, что они смогут донести друг другу разный духовный опыт, так как они будут принадлежать разным социальным сообществам. А для этого наиболее подходящей будет именно атмосфера игры, как она описана Шиллером: только в игре будет снято напряжение конкуренции, соревновательности (ведущей к разного рода «рейтинговости», когда творческих людей некое жюри будет расставлять по местам). Вместо этого задачей будет именно взаимное осознание чужого духовного опыта и передача свое-

го опыта на символическом языке, который будет понятен партнёру, использующему иные, чем я и моё сообщество, средства выразительности. Такая игра, которая не ставит перед собой задачи узкопрагматического характера, будет путём для создания этого поля пассивности и ареной, в которой будет совершаться адаптация людей к Арктике.

Поэтому надо проводить продуманные фестивали народной культуры в единстве с какой-либо деятельностью, которая будет снимать дистанцию между зрителями и исполнителями, то есть совершать нечто вроде коллективных акций по творению художественной реальности. Надо, чтобы каждый из участников данного фестиваля нашёл в нём своё место, чтобы любое движение души нашло бы свою оценку и признание хотя бы в узком кругу (а взамен человек постигнет такой же творческий момент и в результатах труда другого). Каким образом составить программу этих фестивалей — это уже задача конкретных организаторов; философия же может дать только общую идею, которая затем начнёт воплощаться в жизнь. И при этом не надо географически локализовывать арктическую жизнь в самой Арктике; вместо этого нечто подобное надо создавать и в не-арктических регионах Земли в особый период, например зимой: скажем, жителям средних широт благодаря таким фестивалям будет доноситься особый эстетический и духовный опыт холода, что приведёт к пониманию у них того, что Север не есть обязательно холод, а холод не есть обязательно чуждость души: внешний холод может сопровождаться осознанием внутреннего тепла человеческих душ. И наоборот, на севере летом может быть в отдельные дни достаточно жарко, вот и было бы интересно провести в это время нечто вроде праздника встречи Севера и Юга; при этом северная жара совершенно неповторима и отличается по восприятию человеком жары, например, степной зоны; и надо передать людям, которые будут приезжать на такие фестивали, духовный опыт тёплых летних дней в Арктике (хотя бы, скажем, через переживание очарования белых ночей и полярного дня в Заполярье).

5. Опыт определения глобальной миссии северного сообщества эстетически образованных личностей

Однако если с творческими людьми всё более-менее понятно: они всегда собираются там, где почувствуют неповторимый дух творения (возможно, это творческий человек ощущает даже подсознательно), то гораздо сложнее будет найти доступ к душе человека, который в результате тяжёлых жизненных условий в эпоху кризиса, в результате социализации (или пребывания) в атмосфере ли-

шённости любви, в результате каких-то своих ошибок, заблуждений, стереотипов или безнравственных поступков (или отсутствия самой способности постигнуть нравственный закон из-за слабости развития в себе практического разума в Кантовском смысле) окажется *лишённым* этого творческого духа, этой творческой настроенности своего самосознания. А ведь таких людей сейчас очень много, и в этом и состоит одна из причин всемирного кризиса... Для таких людей единственно реальным является сиюминутная материальная выгода, ибо они задыхаются в своей скорлупе эгоизма, себялюбия, страстности или пребывают в депрессии как под гнётом внешних обстоятельств, так и из-за того, что испытали страдания от разрушительного и саморазрушительного действия своих страстей или слабостей... Эти люди посчитают всё здесь написанное жалкой поэзией или абстрактным умствованием. Они на самом деле ищут возмещения в материальных благах и утехах того самого главного, чего они лишены, но не находят утешения, почему начинают идти по спиралям судьбы, пока наконец не будут поставлены перед некоей экзистенциальной задачей, которую надо будет решить... Чем мы сможем помочь таким людям, причём надо их не оттолкнуть, а снять их внутренние конфликты, исправить их неправильно направленные душевные силы, поднять их из трясины страданий и темноты заблуждений?

Ответ на этот вопрос прост в теории и парадоксален на практике, когда мы постараемся его воплощать в жизнь: надо помочь таким людям выработать новые смыслы своего личностного существования. Дальше, если этот первый шаг уже будет сделан, разум человека сможет найти выход из лабиринта запутанности, сможет дать новый ориентир для страстей, чтобы они перестали быть «раковыми опухолями разума», как их охарактеризовал И. Кант в работе «Антропология с прагматической точки зрения», а здоровые силы души высвободились бы из ложных отождествлений с недостойными объектами внимания, которые вели к нарушению равновесия в человеке. Парадоксальность состоит в том, что это коренное изменение в своей душе, ведущее к пробуждению в человеке нравственного и эстетического образа мыслей, может сделать только сам человек; ему невозможно не только навязать эту способность совершить внутренний переворот; он даже не будет понимать, что такое игра, что такое творчество и пр., потому что в его душе будет отсутствовать орган для такого понимания. То есть разум, чтобы активизироваться, нуждается в поддержке со стороны воли — она должна быть собрана воедино и возвышена на служение высокой цели, а это возможно только в том случае, если воля не рассеяна или не парализована ленью и трусостью (два главных препятствия для самостоятельного мышления, как об этом написал И. Кант в рабо-

те «Ответ на вопрос: “Что такое Просвещение?”») и не пребывает в плену страстей и заблуждений. Паралич или неправильная направленность воли — это одна из самых распространённых болезней современного человека, причём не только в России, но и на Западе. Причин у этого феномена множество, и не последнюю роль тут играет разрушение среды обитания человечества (вплоть до деградации генетического кода человечества из-за ГМО), кризис коллективной идентичности, потеря влияния религий и духовных учений прошлого (которые ставили перед собой задачу помочь верующему человеку соединять разум и волю, разум и сердце в целостное существо), разочарование в идеалах Просвещения, всемирный кризис капитализма, приносящий массовую нисходящую мобильность и делающий неизбежной повседневную борьбу за выживание и многое другое. С этими глобальными причинами проекту по созданию художественного мира арктического человека не справиться; но если не суметь хоть как-то этим разрушительным процессам противодействовать, то этот проект обречён на неудачу. Как же нам бросить вызов мощным разрушительным силам, не находящимся в нашей власти, и рассчитывать при этом на успех?

При ответе на этот вопрос нам поможет такая важная категория экзистенциализма М. Хайдеггера, как решимость. Вот как метко характеризует эту категорию Хайдеггера О. Ф. фон Болльнов, который сам был первоклассным философом-экзистенциалистом: «Это есть форма подлинной временности, где мгновение обретает окончательную и безусловную ценность... В “решимости” достигается такое состояние человеческой жизни, в котором абсолютная внутренняя ценность отдельного мгновения делается независимой от его временного протяжения. Строго говоря, нельзя даже говорить о состоянии, поскольку речь идёт о совершающемся в мгновении процессе, чья сущность заключается именно в напряжённейшей деятельности. “Решимость”, следовательно, означает такой склад подлинного человеческого бытия, где деятельность получает свой смысл более не из какой-либо требующей достижения цели, но неколебимо несёт этот смысл в самой себе. Речь идет о предельной напряжённости человеческого бытия, в котором оно вырывается из состояния прежней сумеречности и самоизгнанности и соединяет все свои силы в единое активное остриё. Своё собственное бытие, рискующее разрушиться в огромном количестве предоставляющихся возможностей, человек собирает в определенном результате, обретающем окончательный смысл исходя не из достижимого (или же, возможно, и недостижимого) успеха, но исключительно из безусловности самой вовлечённости... И здесь существенным оказывается отчётливость выделенного предельно заострённым образом мгновения» [12]. То есть мы как представители творческого со-

общества должны прийти на помощь человеку, который оказывается помещённым в такую ситуацию решимости. Она наступает тогда, когда человек уже проведёт достаточно сильную работу по отрицанию своей предыдущей жизни, её ориентаций, её идолов, осознает раздвоенность или слабость своей воли и т.п. и поймёт, что дальше так жить нельзя, но пока ещё не совершит шага в сторону положительности и не осознает сокрытый в себе творческий дух (потому что он ещё не имел опыта его раскрытия). В этот момент человек рискует попасть в пустоту нигилизма и окончательного разочарования, после чего выберет путь быстрого или медленного саморазрушения (и разрушения социального мира вокруг себя). И сам акт приезда такого человека на Север можно будет рассматривать как обусловленный этим состоянием решимости: для человека сам выбор направления не к тёплому морю и местам курортных развлечений, а на Север будет обусловлен этим самым духом решимости (который он испытает в некий важный момент своей жизни независимо от нас, т. е. людей, которые образуют творческое сообщество Севера). Первый, самый сложный шаг к коренному изменению образа мыслей человек делает самостоятельно (мы всё равно над ним не властны), а вот потом мы уже должны будем не упустить такого человека и поместить его в такую обстановку, где он поймёт, на что же конкретно он решился.

А для этого нам поможет ещё одна категория эстетики — категория катарсиса, которую Аристотель понимает как способность дистанцироваться от своей чувственной природы и ослабляющих аффектов за счёт сопереживания трагедии; при этом в момент дистанцирования возникает эффект очищения души, и способности человека начинают идти по новому руслу, восстанавливая целостность человеческой личности. В ходе драматического действия страх заменяется страхом осознанным, сострадание становится истинным, а подавленное настроение сменяется настроением гармоничным и уравновешенным — таким образом сознание человека очищается от аффектов [об этом см.: 13]. Этот эффект катарсиса и должен достигаться, причём мы не должны быть привязаны к жёсткому пониманию того, что катарсис может быть только в трагедии (как это считал Аристотель): именно искусство национальной одежды, костюма, рукоделия, в единстве с особой художественной средой и образом жизни на Севере и введёт человека в состояние удивления, от которого недалеко до катарсиса. А через катарсис в нём будет активизирован поиск подлинных смыслов, которые в конечном счёте и помогут осознать себя, тот подлинный дух креативности, что дремлет в каждом и ждёт благоприятных условий, чтобы пробиться наружу. Человек испытает опыт любви к миру и поймёт, где же лежат подлинные ценности, после чего он включит-

ся в деятельность по созданию «креатосферы Севера» как полноправный участник. Именно так на Севере и будет сформировано поле повышенной пассионарности, которое сумеет сгенерировать разумные энергии, противодействующие неразумным силам разрушения. Север станет не краем земли, а началом пути... И, может быть, в этом и заключается его подлинное предназначение в человеческом бытии. И именно в контексте универсального смысла реализации этого предназначения и будет понятна цель воссоздания народной культуры народов Севера.

6. Вывод: об универсальном смысле эстетической деятельности на Севере

По сути дела, нет никаких педагогических, социально-культурных, практических и пр. целей, если нет единой цели, и эта цель — самоопределение человека и человеческого рода в целом. А самоопределение постулирует трансцендентное, сверхприродное, почему подлинная культура и образование получает снова своё религиозное обоснование (по образу и подобию Божьему). И даже если мы ограничимся идеей о том, что религиозное есть просто постулат разума, то эта мысль наполняет нашу душу возвышенным; а отсюда — прямой путь к преодолению отчуждения и восстановлению целостности, причём как в человеке, так и в отношениях человека к миру, и в отношениях людей друг к другу. Возможно, именно на этом пути и может быть найден выход из всемирного кризиса: он будет преодолён в результате подвижнической жизни лучших людей Земли, а «креатосфера Севера» будет и формироваться такими подвижниками, и сама формировать способность к нему на основе описанных во второй части статьи социальных практик.

Библиографический список

1. Zdarzil, Herbert: Johann Gottfried Herder. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit // Hauptwerke der Pädagogik / Hrsg. von W. Böhm, V. Fuchs, S. Seichter. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2011. S. 195–198.
2. Гердер, И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.
3. Шиллер Ф.И.Х. Письма об эстетическом воспитании человечества. // Шиллер И.Х.Ф. Сочинения: в 8 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1956. Т. 6. С. 251–358.
4. Rittelmeyer, Christian: Über die ästhetische Erziehung des Menschen: Eine Einführung in Friedrich Schillers pädagogische Anthropologie. Weinheim und München: Juventa Verlag, 2005. 231 S.
5. Matuschek, Stefan: Kommentar für Friedrich Schillers „Briefe über die ästhetische Erziehung des Menschen“. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2009. S. 125–273.

6. Fischer, Wolfgang: Immanuel Kant. In: Philosophen als Pädagogen: Wichtige Entwürfe klassischer Denker / Hrsg. von Wolfgang Fischer und Dieter-Jürgen Löwisch. Darmstadt: Wiss. Buchges., 1998. S. 125–139.
7. Kant, Immanuel: Vorl. Anth. In: Kant, Immanuel: Gesammelte Schriften (Akademie-Ausgabe). Bd. XXV (IV/2). Berlin, 1997.
8. Schiller, Friedrich: Über das Erhabene. // Schiller, Friedrich: Vom Pathetischen und Erhabenen. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2005. S. 83–100.
9. Косой Д. Свобода как осознанная необходимость. URL: http://philosophystorm.org/otto_pyrin/3127 (дата обращения: 18.08.2019).
10. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии // Ушинский К. Д. Избранные труды: в 4 кн. Кн. 3. М.: Дрофа, 2005. 560 с.
11. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М.: Школа-Пресс, 1995. 448 с.
12. Болльнов О.Ф. 4. Решимость // Болльнов О.Ф. Философия экзистенциализма. URL: <https://fil.wikireading.ru/2499> (дата обращения: 18.08.2019).
13. Долгов К. М. Катарсис // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. Фонд. М.: Мысль, 2010. См.: URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01daff86bd742c788c9ed5da>

References

1. Zdzarzil, Herbert: Johann Gottfried Herder. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. // Hauptwerke der Pädagogik / Hrsg. von W. Böhm, B. Fuchs, S. Seichter. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2011. S. 195–198. (In German.)
2. Herder J.H. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas to the philosophy of history of the mankind]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 703 p. (In Russ.)
3. Shiller, Friedrich. *Pis'ma ob esteticheskom vospitaniji chelovechestva*. [Letters about aesthetic education of mankind]. Shiller, Friedrich. *Sochinenija v vos'mi tomah. Tom 6* [Schiller, J. C. F. Works in eight volumes. Vol. 6]. Moscow – Leningrad, Goslitizdat, 1956, pp. 251–358. (In Russ.)
4. Rittelmeyer, Christian: Über die ästhetische Erziehung des Menschen: Eine Einführung in Friedrich Schillers pädagogische Anthropologie. Weinheim und München: Juventa Verlag, 2005. 231 S. (In German.)
5. Matuschek, Stefan: Kommentar für Friedrich Schillers „Briefe über die ästhetische Erziehung des Menschen“. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2009. S. 125–273. (In German.)
6. Fischer, Wolfgang: Immanuel Kant. In: Philosophen als Pädagogen: Wichtige Entwürfe klassischer Denker / Hrsg. von Wolfgang Fischer und Dieter-Jürgen Löwisch. Darmstadt: Wiss. Buchges., 1998. S. 125–139. (In German.)
7. Kant, Immanuel: Vorl. Anthr. In: Kant, Immanuel: Gesammelte Schriften (Akademie-Ausgabe). Bd. 25 (IV/2). Berlin, 1997. (In German.)

8. Schiller, Friedrich: Über das Erhabene. Schiller, Friedrich: *Vom Pathetischen und Erhabenen*. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2005. S. 83–100. (In German.)

9. Kosoj D. *Svoboda kak osoznannaja neobhodnost'* [Freedom as a conscious necessity]. Available at: http://philosophystorm.org/otto_pyrin/3127 (accepted at: 14.01.2018). (In Russ.)

10. Ushinskij K. D. *Chelovek kak predmet vospitaniya*. Opit pedagogicheskoy antropologii [Man as a subject of education. Experience of pedagogical anthropology]. Ushinskij K.D. *Izbrannije trudi v 4 knjigah, kniga 3* [Selected works in 4 books. Book 3]. Moscow, Drofa Publ., 2005. 560 p. (In Russ.)

11. Hessen S.I. *Osnovi paedagogiki. Vvedenije v priklabnuju filosofiju*. [Basics of the Pedagogy. Introduction to the applied philosophy.] Moscow, Shkola-Press, 1995. 448 p. (In Russ.)

12. Bollnow, Otto Friedrich. *Reshimost'* [The Decisiveness]. Bollnow, Otto Friedrich. *Filisofiya existenzialisma* [The Philosophy of Existentialism]. Available at: <https://fil.wikireading.ru/2499> (accepted at: 14.01.2018). (In Russ.)

13. Dolgov K.M. *Catharsis. Novaya filosofskaya enciclopaediya* [New encyclopedia of philosophy]. Moscow, Misl', 2010. Available at: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01daff86bd742c-788c9ed5da> (accepted at: 14.01.2018). (In Russ.)